

«Обновленное» христианство Николая Гоголя и народное православие Теодосия Осьмачки (к вопросу о религии в украинской картине мира)

И.А. Стребкова

Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя, Нежин, Украина

Paper received 19.08.15; Accepted for publication 31.08.15.

Аннотация. В статье проанализировано влияние христианства на творчество Николая Гоголя и Теодосия Осьмачки. Сопоставлены проявления «обновленного» христианства Гоголя и народного православия Осьмачки. Отслежена их функциональная природа в украинской картине мира.

Ключевые слова: «обновленное» христианство, барокко, народное православие, Николай Гоголь, Теодосий Осьмачка

Введение. В моменты хаоса и общественного кризиса прослеживается активное проявление чувства несогласия с тенденциями времени. В такие времена люди ищут ключ, который может объяснить современный мир. Период барокко – это возобновление значения Бога в жизни человечества. Искусство барокко религиозное, и его задача – склонить человека к Богу. Украинское барокко характеризуется утверждением национальных ценностей, козацкой доблести, борьбой против национального и религиозного притеснений.

Религиозные взгляды Гоголя и Осьмачки были заложены домашним воспитанием и характером отношения родителей к христианству. В роду Гоголя были священники, и приверженность рода к служению церкви, бесспорно, была одной из главных семейных традиций [14, с. 15]. Гоголь унаследовал от них то стремление к Богу и служение Ему. С самого детства художник находился под впечатлением картины Страшного Суда, о котором ему рассказала мать. В письме к ней он позже писал, что женщина так страшно описывала муки грешников, что это «...потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли» [6, X, с. 282]. В молодые годы Гоголь также пел на клиросе, принимал участие в литургиях.

Краткий обзор публикаций по теме. Тема «Гоголь и церковь» детально проанализирована в научной литературе. Вопрос о духовных поисках Николая Гоголя актуализирован в работах многих исследователей его творчества. В частности христианское мировоззрение в духовной прозе писателя исследовал В. Воропаев [5], христианские основы гоголевского мирозерцания рассмотрены И. Виноградовым [4], способы сакрализации художественного слова в «Выбранных местах» и обращение к Евангелию анализирует П. Михед [15]. На художественно-религиозные основы творчества Гоголя и на библейскую интертекстуальность как формотворческого элемента поэтики второго тома «Мертвых душ» указывает Н. Сквиря [22]. Более того, В. Воропаев говорит, что Гоголь всю свою жизнь мечтал стать монахом [2, с. 7]. Гоголь ежедневно читал Священное Писание, и единственный выход общества из тогдашнего положения видел в Евангелии. Как справедливо заметил К. Мочульский, то Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии «...». Все черты, характеризующие «великую русскую литературу», ставшую мировой, были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее про-

роческий пафос и мессианство...» [16, с. 37-39].

Теодосий Осьмачка тоже был одарен, ведь он на подсознательном уровне чувствовал «роковую зависимость художника от исторической судьбы его народа», – отмечает Н. Слабошпицкий [23]. В. Беляев в воспоминаниях напишет, что для того, чтобы полностью ощутить ужас той действительности и навсегда запечатлеть ее в духовной летописи нашего народа, появился стихийный скорбный талант Осьмачки [2].

Что касается Осьмачки, то документальная база не дает возможности полно представить его отношение к церкви. М. Кейван в воспоминаниях о талантливом поэте и друге семьи отмечает, что „Осьмачка был верующим, хоть непрaktикующим христианином”, хотя в эмиграции иногда посещал церковь. Но за свою непостоянность «в церкви Осьмачка не досиживал до конца службы Божией и уходил раньше» [10, с. 91]. М. Кейван акцентирует внимание на том, что „фигура Христа-человека была ему очень близкой и понятной. Не раз говорил: даже если бы Христос не был Богом, то надо бы его считать Богом, ибо он спас человечество от страха перед смертью [10, с. 91]”. Современники и исследователи его жизненного и творческого пути утверждают, что к религии его приучала мать. Воспоминания детства у Осьмачки связаны со службой в церкви, которая велась на церковнославянском языке. Вероятно, именно в детском возрасте в сознание будущего поэта вошел образ церкви как святого храма. В прозе и поэзии писатель часто обращается к образам Бога, Божьей Матери и Иисуса Христа.

Цель нашего исследования – проанализировать ориентацию на христианство в творчестве Николая Гоголя и Теодосия Осьмачки. Акцент в статье будет делаться на основных маркерах «обновленного» христианства и народного православия, что составит предмет исследования. Объектом анализа станет творчество Гоголя и его эпистолярный, а также прозаические и поэтические произведения Осьмачки. Для реализации поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: отследить проявления «обновленного» христианства в творчестве Гоголя; проанализировать вопрос о сущности народного православия на примере творчества Осьмачки; проследить своеобразную трансформацию догматов церкви в народном бытии; сопоставить функциональность гоголевского варианта религии с вариантом Осьмачки.

Результаты и их обсуждение. Мы видим, что заложенные с детства религиозные взгляды и у Гоголя, и у Осьмачки проявляются в их текстах. Тема божественного Провидения становится лейтмотивом в творчестве

Гоголя. В письме к Погодину он напишет, что «нет пророка в своем Отечестве», а знакомство с поляками дает ему силы в области веры и придает новое значение христианству и главной его цели – Преображению. XVIII век стал эпохой наступления на религию. Все деятели-просветители (Вольтер, Дидро и другие) подвергли уничтожающей критике христианские основы бытия. Зато эпоха Романтизма вернулась к христианским ценностям. Гоголевские духовные трактаты, написанные в 40-ых годах, содержат стремление писателя донести в массы идеи обновленного христианства. А «Выбранные места» в наше время назвали бы «христианским фундаментализмом», утверждает Павел Михед [12]. Основная идея нового христианского общества состоит в том, что Бог является источником и началом всякого добра, правды, жизни и совершенства, а основными значимыми категориями в этом контексте становятся Бог, Свобода и Родина. В сознании художника постепенно даже сформировалась собственная социально-христианская доктрина [12]. В «Мертвых душах» он пытается доказать, что христианство – это путь Преображения современного человека. Но у него это не получилось. И произошло это скорее всего потому, что Гоголь поставил себе сверхзадачу – объединить эстетическое и христианское. Доминирование православной идеи, как интегрирующей, – говорит П. Михед, – сочетается с осознанием своей принадлежности к украинскому миру, что находит выражение в формуле – «я близкий родственник вам всем», которая прозвучала в гоголевском «Завещании» из «Выбранных мест» как своеобразное обращение к русскому читателю и напоминание о своем украинском происхождении [13, с. 100].

Гоголевские идеи обновления христианства изложены в его «Выбранных местах». «Смотрите на то – любите ли вы других, а не на то – любят ли вас другие. Кто требует платежа за любовь свою, тот подл и далеко не христианин» [6, VIII, с. 366]. В основе всех межличностных отношений должна быть Евангельская любовь, – настаивает Гоголь. Необходимо любовью согревать сердца. Поэтому настоящая христианская помощь – это, прежде всего, обратить грешника к Господу, ведь на небесах ему будут радоваться больше, чем праведнику. Гоголь настаивал на том, чтобы не демонстрировать братскую любовь «для проформы» в Святое воскресенье. Писатель выступает против показной набожности. Он приводит пример того, что какой-нибудь начальник, чтобы показать свою любовь к подчиненным может «чмокнуть» в щеку инвалида. Но дело не в видимых знаках и не в патриотических призывах. Нужно взглянуть на человека как на драгоценность, радоваться ему как своему самому родному брату, радоваться ей как лучшему другу, с которым давно не виделись, потому что породнились через небесного Отца, который даже ближе земного. Гоголь называет день Воскресения святым, ведь все небесное братство, все человечество в своей семье, в обители Самого Бога. Писатель стремится, чтобы все человеческие христианские стремления не оставались лишь в мечтах и мыслях, но были реализованы в жизни. То есть не словом, а делом нужно проявлять в себе христианские добродетели. Можно быть готовым принять в объятия все человечество, как брата, в то время как родного брата так и не объять. Его объятий достоин лишь тот, кто его

ничем еще не обидел и тот, кого он даже никогда не знал и не видел: «Вот какого рода объятие всему человечеству дает человек нынешнего века, я часто именно тот самый, который думает о себе, что он истинный человеколюбец и совершенный христианин! Христианин! Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, наместо того, чтобы призвать его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христианине!» [6, VIII, с. 412]. Вот как возмущается Гоголь на людей, что называют себя христианами, но не ведут себя так, как завещал Христос. Тщеславие и подлость видит человек девятнадцатого века в других, хотя на самом деле он «тот же блин, только на другом блюде» [6, VIII, с. 413].

С болью Гоголь высказывает свои соображения о том, что люди забыли все добродетели, они отталкивают брата, будто богач отталкивает нищего от своего дома, потому что не хочет, чтобы «поразилось обоняние его смрадным дыханьем уст несчастного, гордый благоуханьем чистоты своей» [6, VIII, с. 413]. Тщеславие ума заполонило мир. Это дух дьявола без маски ходит по земле. Гоголь побуждает человека одуматься, заставить себя прожить хотя бы один день по обычаю вечного века. И тогда, возможно, только за одно это желание «уже готова сброситься с небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней» [6, VIII, с. 413]. Но Гоголь констатирует, что «все глухо. Могила повсюду». И ему пусто и страшно жить в таком мире. С богословским вдохновением, с осязаемым наставлением, иногда даже с менторством, Гоголь призывает сбросить с себя все недостатки, которые срамят высокую природу человека и портят ее репутацию, не жалеть ни имущества, ни всевозможных земных средств, забыть все ссоры, ненависть и вражду. Тогда «брат повиснет на груди у брата, и вся Россия – один человек. Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник воскресенья Христова: воспринимается прежде у нас, чем у вторых...» [6, VIII, с. 417-418]. Писатель знает, что мы плохо знаем нашу Церковь. Но в монастырях в тишине келий они работают, не спеша, ведь спешка в этом деле – вещь неоправданная: «совершают свой труд в глубоком спокойствии, молясь, воспитывая самих себя, изгоняя из души своей все страстное <...>, возвышая свою душу на ту высоту бесстрастия небесного, на которой ей следует пребывать, дабы быть в силах заговорить о таких предметах» [6, VIII, с. 245]. Автор письма подчеркивает, что наша Церковь должна святиться в нас самих, а не в наших словах. Она не бездействует, поэтому мы должны ее защитить. Для этого мы должны ввести Церковь в нашу жизнь как самое ценное сокровище, чтобы быть в состоянии ответить на такие вопросы: «А сделала ли ваша церковь вас лучшими? Исполняет ли всяк у вас, как следует, свой долг?» [6, VIII, с. 246]. Поэтому для каждого, кто хочет идти вперед и совершенствоваться, необходимо как можно чаще посещать Божественную литургию и внимательно слушать: «она нечувствительно строит и создает человека». И если общество еще не до конца распалась, то это все благодаря Божественной литургии, которая напоминает человеку о святой, небесной любви к брату. «А потому кто хочет укрепиться в любви, должен, сколько можно чаще, присутствовать, со страхом, верою и любовию, при священной трапезе любви», – заключает писатель [7, с. 70]. Гоголь стремится

сделать институцию Церкви действенной, чтобы способствовать более активному введению христианских традиций и ценностей в повседневный оборот. Особую роль здесь играет богослужения: «Велико и неисчислимо может быть влияние Божественной литургии, если бы человек слушал ее с тем, чтобы вносить в жизнь слышанное...» [7, с. 70].

Мы находим подробное описание того, как должен совершать литургию священник. Еще с вечера он должен «трезвиться телом и духом, должен быть примирен со всеми, должен опасаться питать какое-нибудь неудовольствие на кого бы то ни было» [7, с. 17]. Чем сильнее Божественная литургия действует на присутствующих, тем лучше тому, кто ее отправлял. Если служитель церкви благоговейно со страхом, верой и любовью проводит литургию, то в нем появится Сам Спаситель: в поступках будет Христос; и в словах его будет говорить Христос.

М. Грушевский считал Гоголя „одним из самых гениальных людей, которых дала Украина”, он стал „энтузиастичным певцом украинской жизни” и „осыпал роскошными цветами творчества эту Украину, что представлялась ему дорогой, прекрасной покойницей; овеяв ее могилу ароматами поэзии, не подозревая ее близкого воскресения, не подозревая вечной жизни в скорлупе полуистевших форм” [9, с. 606-608].

Содержание творческого подвига и трагедии Николая Гоголя П. Михед определил как взгляд на искусство слова как на свое высшее призвание писателя-христианина, который «усматривает в обновленном христианстве спасение для умерших в суете жизни человеческих душ» [11]. Ученый справедливо отмечает, что «в осознании великого апостольского призвания, в запредельных для обычного человека целях, которые ставил перед собой Гоголь, в вере в свое избранничество находится ответ на большинство вопросов трагической творческой судьбы писателя» [11, с. 23].

„Гоголь был украинцем, которому напоминали, что он пашет на чужой ниве, – говорит Е. Сверстюк, – А он всегда знал, что обрабатывает ниву Господню” [20]. Следует подчеркнуть, что для Гоголя Украина умерла, но художник живет надеждой на актуализацию христианства, которое, в свою очередь, ведет к Преображению, к обновлению мира.

Зато перед Осьмачкой христианство предстает как путь спасения. Как и каждому украинцу, ему присуще христианское мировоззрение. Осьмачка уважает все христианские каноны. Как правило, человек обращается к Богу тогда, когда чувствует свою беспомощность. Проблемы, войны и революции усиливают интерес Осьмачки к религии. Поэтому в его творчестве прослеживается плотная мировоззренческая и эстетическая связь с христианскими принципами. В повестях Осьмачки Библия выступает как национально-экзистенциальный код украинского человека [23, с. 607]. У писателя божественное и эстетическое находятся в своеобразном синтезе. В его художественных произведениях достаточно отчетливо пробивается вера. Наиболее ярко это проиллюстрировано в картинах опустошения Украины. В этих художественных зарисовках отражена руина Украины. Писатель талантливо переосмысливает период из исторического прошлого, накладывая известный материал на современные художнику реалии бытия. Причины вырождения христи-

анства Осьмачка видит в моральном упадке. Именно в этом аспекте рассматривается разлитое по земле мировое зло. В таком контексте наблюдается неоднозначный аспект видения. В своих произведениях Осьмачка изначально задает высокую духовную планку. Основной пафос его художественных прозрений состоит в том, что Украина у него позиционируется как высший идеал, отсюда эта утопия и разруха страны. «Новое» христианство в субъективном взгляде Осьмачки с негативной стороны показывает разрушение мира. За руинами если и просматривается какая-то надежда, то она ассоциируется с основаниями христианского происхождения. Если Гоголь уже «отпел» Украину, то для Осьмачки она еще существует. Но она лежит в руинах, разорванная на части, и ее надо «собрать» воедино.

Тему упадка Украины Осьмачка связывает с темой упадка христианской морали. В. Барчан отмечает, что даже в поступках своих героев «автор воплощает характерные ментальные черты: быть сострадательным к чужому горю, как в „добрую старину”, находиться в „Божьем послушании”, чтить веру и церковь и, главное, соответствовать высокой добродетели – быть Человеком...» [1, с. 319].

В самих сюжетах произведений Осьмачки часто происходит своеобразная «христианизация» эпизодов с широкими обучающими комментариями нарратора, который всегда с проповедническим пафосом комментирует изображаемое или с глубоким прискорбием сочувствует своим персонажам. Но наряду с «ортодоксальным» православием существует чрезвычайно сложное и неоднозначное явление феномена народного православия. Оно отличается от «традиционной» религии, но характеризуется своей актуальностью даже в наше время. Проблема народного христианства заключается в исследовании не религии, а религиозности, то есть «актуализации религиозного опыта в культуре» [19, с. 8]. Это не вера и не догматическое учение, это особая форма мышления и мировосприятия. В научной литературе существует несколько понятий, которые актуализируют эту сферу: «двоеверие», «народные верования» и «бытовое православие» [19, с. 17]. Указанные термины характеризуются экспликацией сферы народной культуры. Затем следует схематично разделять традиционный фольклор, ритуал и мифологию [19, с. 17]. Усвоение и трансформация языческого природного начала стало мощным стержнем в украинском христианстве, поэтому оно скорее гармонизирует контакт человека с миром, чем управляет данными «сверху» установками. М. Грушевский писал, что “украинское христианство – это особое религиозное образование, которое сформировалось в течение XIII–XVII вв. и выражает детерминированную социальными и культурными обстоятельствами жизни украинского этноса единство идей дохристианского мировоззрения, христианства и бытующих в Украине других религий” [8, с. 116].

Повседневная религиозность реально функционирует в жизни социума. Она характеризуется природным и социальным окружением и связана с соблюдением домотеистических верований. В генетическом аспекте такая народная религия предшествует, обычно, мировым религиям. М. Вебер, например, утверждал, что оргиастические и мимические компоненты религиозного культа, прежде всего пение, танцы, драматическое

действие, а также типовые, неизменные формулы молитв, основанные если не полностью, то главным образом на народной религиозности [3, с. 95].

В концепции художника сигналы народного христианства можно классифицировать следующим образом: переименование, искажение имен; незнание функций религиозной атрибутики; непонимание литургии; насмешливое отношение к православной символике и тому подобное. Карикатурные, сознательно искаженные имена создают своеобразный эффект «дистанцирования» от религии. У Осьмачки библеизмы звучат в иронично-комическом регистре: «... настоящий идеал рабочего такой, чтобы рабочий был голый с женщиной и вместе с детьми, как Адам и Ева со своими Кавелями и Хавелями...» [18, с. 195-196]. Библейские герои, живя в Эдемском саду, не знали своей наготы. Только после своего изгнания из «зоны комфорта» они осознали это. Такая параллель между библейскими персонажами и идеальными рабочими, которые должны быть голые, босые еще и голодные, свидетельствует об окончании времен «Эдема» в Украине и наступления времен «изгнания». В «Плане ко двору» крестьяне вспоминают, что царь построил им церковь, но не такую, как они хотели: «Нам церковь нужна святого Пантелимона, ибо он пользует жатвы, смотрит, чтобы злая рука не сожгла кип. Да, это наш святой. А царь у нас ему церкви не поставил, а построил Марии Мандалине, что охраняет <...> прибудных девок. Подумаешь, то действительно советская святая...» [18, с. 44-45]. Вывод крестьян простой, но достаточно конкретный: все их беды от того, что они вынуждены молиться не тем святым.

Народный характер христианства в «Ротонде» озвучивается через разговор простых людей. Например, в выкриках пастушка, который кричит на корову-беглянку: «А чтобы ты лопнула еще маленькой! <...> А чтобы до Страшного суда и костей своих не собралась!» [17, с. 144]. Библейский Страшный Суд актуализируется в проклятиях крестьянина как наибольшая временная граница, которую уже невозможно переступить, а возмущение персонажа набирает глобального масштаба, судя по поверхностной осведомленностью говорящего о наибольший Суд земли.

Народное православие складывалось на почве тех сторон христианства, которые тесно соприкасались с народными верованиями. Так, в народном сознании постепенно соединялись образы христианских святых с образами древних славянских богов, церковный календарь приспособился с давними сельскохозяйственными праздниками, а духовенство допускало многие послабления языческой обрядности. Взаимовлияния привели к формированию религиозности, органично сочетается с устоями народной духовности и быта.

Народное христианство оказывается у Осьмачки в якобы христианских ритуалах старой тетки Горпины, которые скорее напоминают языческий защита от демонических сил: она крестит стены и говорит заклинание: "Чтобы тебе каждое окно стало Божьим порогом в мой дом... И чтобы ты взялся адским дымом весь и пропал в безвестности, как только переступишь какую-то коробку и коснешься святого креста с рогацей!" [17, с. 74]. Интересным является импровизированный ритуал бракосочетания Гордия и Варки. Необычный обряд венчания якобы в христианском духе на могиле тетки Корецкой созвучен с языческими ритуалами. Девушка

снимает с себя цепочку с крестиком, один конец дает Гордию, а за другой держится сама. Они трижды обходят могилу тетки. Тройственность выполнения происходит из магического понимания тройки, которая символизирует треугольник, который представляет собой прошлое, настоящее и будущее. После каждого круга молодожены читают «клятву»: «Клянусь перед этим свидетелем, – и она показала рукой на гроб, – что я свою жену, Варку Дмитриевну, буду любить и буду беречь и в горе, и в добре...» [17, с. 126]. В конце церемонии Варка вешает на ветку акации крест, который затем они оба целуют. После выполнения ритуала Варка говорит Гордию надеть крест и носить всегда, ведь он теперь ее законный муж. Характерной чертой народного православия стало чистосердечное почитание Богородицы. Порой оно было настолько сильным, что казалось народное православие – это не религия Христа, а скорее религия Богородицы. В образе Божией Матери сказался укорененный в язычестве культ Великой Матери. В древнерусской духовности образы Богоматери и Матери-земли тесно связаны: им были присущи общице начала – святость и материнство. В «Старшем боярине» слышится этот отзвук, но он не такой «активный» в своем звучании, это лишь легкий аккорд: «И от заходящего солнца падала на икону Божьей Матери сквозь окно света и узенькая полоса, как будто тепло дожитого чувства, которым светит старое сердце с последнего предсмертного слова» [17, с. 73]. Привлечение этого мотива в композиции произведения создает своеобразный «эффект света и тени», с помощью которого у читателя визуализируется образ «доживания» прародительницы.

Далеко не всегда представления, сложившиеся в народном православии, соответствовали строгим церковным канонам. Например, герои молятся не традиционными молитвами, а обращаются к Богу «по-своему», как умеют, якобы говорят один на один с Творцом. В последней импровизированной молитве Корецкая говорит: «Господи милосердный, <...> будь Гордию в дороге и верстовым столбом, и ясной тропью; а среди людей во время беседы, когда нужно, будь умным языком и разумным местом для остановки последнего слова разговора. А когда ты ему пошлешь счастье или в поле, или в ласковом доме мудрой семьи, то пусть он им не цацкается, как молодая хозяйка новым горшком...» [17, с. 73].

Молитва матери где-то «между подсолнухами» начиналась с «Отче наш» и «Царю Небесный». Потом мать начинала импровизировать молитву, которая лучше подходила к делу: «Я у Тебя, Боже, много не прошу, а только то, что Ты можешь мне сделать Своей лаской и без моей несчастной просьбы... Если случится лихая рука на моих детей, то пусть она не имеет силы поперебивать им кости и в ногах, и в руках... Чтобы не были калеками и чтобы имели силу даже тогда, когда начнут человеческие враги еще и пахать бедными людьми» [17, с. 149].

Когда священник Дияковский с горя пьет водку и ездит на Рассохватую могилу, его работник старый дед Гарбуз, искренне переживая за судьбу своего хозяина, молится на свой лад: «Мать Божья! Не погуби его душу, и направь на ум добрую потемневшую совесть. Он же в правой руке должен держать крест святой, а не кнут над теми лошадьми, которым домо-

вые ночью порой заплетают гривы!» [17, с. 59]. Молитвы героев Осьмачки искренние, наивные. Они обращаются к Богу «по-простому», как знают. Но это делает веру живой и действенной. А молитва действительно становится разговором с Богом, а не зазубренным не всегда понятным текстом.

В своей религиозной практике персонажи руководствуются не столько официальными установками церкви, сколько «языческо-христианским сплавом». Перед смертью Корецкая (повесть «Старший боярин») вспоминает о святом причастии, аде и геене огненной: "Господи, я знаю, что твой крест чудодейственный и всемогущий, когда его христианская душа возьмет себе в защиту, хотя бы он был даже из пепла, которым грешники в аду дышат вместо воздуха. Знаю и умоляю, сохрани душу мою от геенского гостя и не дай умереть без исповеди и без святого причастия!" [17, с. 74]. Упоминание о двух главных таинствах христианского вероучения, исповедь и причастие, свидетельствует о сверхважной функции этих двух ритуалов у людей «старосветского» типа жизни. Ведь, прежде всего, исповедь – это открытие своих грехов перед Богом. Вместе с раскаянием она является способом примирения с Богом.

Чередование языческих ритуалов с призывом имени Господа – это главные характеристики религиозного поведенческого кода героев Осьмачки. Период двоеверия, когда православие, как вера и идеология социальных верхов, не смогла овладеть народными массами, замещается процессом «ускоренного проникновения христианской доктрины и церковных книжных средств в глубину народных масс, христианизации народной жизни и народного мировоззрения, создания новой народной религии из элементов старого натуралистического культа и христианского обряда и легенды [8, с. 103].

Выводы. В варианте «религии» народного христианства происходит популярная, «неофициальная» интерпретация ритуалов, священных текстов и персонажей священной истории. Нельзя считать народное христианство ересью, ведь оно не затрагивает философских основ христианства. Его характерной чертой является стихийное зарождение культов местнотимых святых. Как видим, поступки персонажей Осьмачки можно объяснить именно через «народное христианство», которое значительно упрощает отношение к библейским текстам, интерпретирует их на свой лад, часто придумывает «каких-то» своих святых (которые

актуальны в конкретное время и в конкретном месте), не требует глубокой аналитической работы над заумными текстами, непонятными ритуалами и ненужными манипуляциями с вещами православного культа.

Что касается Гоголя, то он хочет донести свое видение реформации церковной жизни и его распространение среди народных масс. Таким образом он выступил в качестве богослова. Он пишет публицистические произведения на эту тему, его внимание сосредоточено на «апостольском проекте», который заключается в том, что писатель пишет свои «Выбранные места» как евангелие [11]. Писатель пытался вложить в свое произведение как можно больше наставлений и учения. Он провозглашает живую веру в Бога и реальные деяния, которые подтвердят статус христианина не на словах, а на деле. Именно поэтому «Выбранные места» закончились Воскресением. Он приурочил к выходу своей книги грандиозную акцию, такой себе своеобразный PR ход: это и презентация картины А. Иванова «Явление Мессии», и возвращение творца из Иерусалима. Целью режиссерского замысла Гоголя было привлечение интереса современников к его творчеству. Он хотел, чтобы люди услышали его призывы относительно «трансформации» церковной жизни и распространения живого христианства по Руси.

Осьмачка в такой степени как Гоголь не возлагал надежд на христианство. Он жил в XX веке, в век безнадежности и трагического мироощущения, когда Бог «умер», и человек остался сам с собой. Этот трагизм проиллюстрирован философией экзистенциализма [24]. Осьмачка по-своему понимает жизнь как экзистенциалист, хотя у писателя все же теплится какая-то надежда на Бога. Для Осьмачки христианство не является единственным спасением для Украины, хотя писатель и связывает много светлого с Богом, Церковью, верой.

Таким образом, мы видим, что Осьмачка нашел меру христианского учения в художественном тексте, в то время как художественная проблема гоголевских «Выбранных мест» и второго тома «Мертвых душ» перешло в своеобразное догматическое вероучение. То есть Осьмачка остался на уровне художественного слова. Он не касается сферы догматов и литургий. Зато Гоголь обращается к христианскому вероучению как богослов, обладающий всем необходимым инструментарием для модернизации христианства. Такие рассуждения кажутся достаточно перспективными и могут составить предмет отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Барчан В.В. Творча особистість Теодосія Осьмачки: художньо-естетичні та філософські константи. : Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук зі спеціальності 10.01.01 – українська література. – Львівський національний університет імені Івана Франка, Львів, 2009. – Рукопис.
- [2] Біляїв В. Тодось Осьмачка / Володимир Біляїв // Нові дні. – 1989. – Лютий. – С. 9–10.
- [3] Вебер М. Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.
- [4] Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания : К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя / И.А. Виноградов; Рос. АН. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наследие, 2000. – 445 с.
- [5] Воропаев В. Монастырь ваш – Россия / Гоголь Н.В. Духовная проза / Сост. и коммент. ВА. Воропаева, И.А. Виноградова. – М.: Русская книга, 1992. – С. 5–32.
- [6] Гоголь Н.В. // Полное собрание сочинений в [14 т.] / гл. ред. Мещеряков Н.Л. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, – 1937–1952.
- [7] Гоголь Н.В. Размышления о Божественной литургии. – К.: Адеф-Україна, 2008. – 119 с.
- [8] Грушевський М.С. Історія української літератури. – Т. IV. – Кн.2. – К., 1994.
- [9] Грушевський М. Юбилей Миколи Гоголя // Літературно-науковий вісник. 1909. – № 3.
- [10] Кейван М. У самотній мандрівці до вічності / Марія Кейван // Березіль. – 1996. – № 3–4. – С. 58–94.
- [11] Михед П. Апостольський проект Миколи Гоголя (спроба реконструкції) / П. Михед // Слово і час : Науковий журнал. – 2004. – № 7. – С. 12–23.

- [12] Михед П. Микола Гоголь і поляки (про деякі проблеми вивчення) // Література та культура Полісся / відп. ред. та упоряд. Г.В. Самойленко. – Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2008. – Вип. 43 – С. 28–45.
- [13] Михед Павло. Пізній Гоголь і бароко: українсько-російський контекст : Монографія / Павло Михед. – Ніжин : Аспект-Поліграф, 2002. – 208 с.
- [14] Михед П. Прадедовская душа шалит в тебе... (О литературоведческом аспекте изучения генеалогии рода Гоголя) // Родословие Н.В. Гоголя: Статьи и материалы. – М., 2009. – С. 5–18.
- [15] Михед П. Способы сакрализации художественного повествования в «Выбранных местах» Гоголя (заметки к новой эстетике слова) // Литература и религия: VI Крымские Пушкинские чтения. – Симферополь, 1996. – С. 93–94.
- [16] Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесловие В.М. Толмачева; Примеч. К.А. Александровой. – М. : Изд-во «Республика», 1995. – С. 5-60.
- [17] Осьмачка Тодось. Поезії. Повісті: Старший боярин; Ротонда душоубців. – К.: Nauk. dumka, 2002. – 424 с.
- [18] Осьмачка Т. План до двору / Теодосій Осьмачка. – Торонто : Видавництво Українського Канадського Легіону, 1951. – 184 с.
- [19] Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России: научное издание. – Санкт-Петербург : Алегейя, 1998. – 305 с.
- [20] Сверстюк Є. Різдва́ний гість Гоголь / URL: <http://svitlytsia.crimea.ua/?section=article&artID=2798>
- [21] Сквіра Н. Проблеми поетики другого тому «Мертвих душ» Миколи Гоголя. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – 367 с.
- [22] Слабошпицький М. Поет із пекла (Тодось Осьмачка) / М.Ф. Слабошпицький. – К.: Вид-во М.К. Коць. Вид-во „Ярославів Вал”, 2003. – 367 с.
- [23] Шалата-Барна І. Християнський містицизм у повісті Тодося Осьмачки «Старший боярин»// Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. – Вип. 21: Scripta manent. Ювілейний збірник на пошану Богдана Якимовича / [гол. редколегії Микола Литвин, упоряд. Олександр Седляр, Наталя Кобрин]; Національна академія наук України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. – Львів, 2012. – с. 825 – 835.
- [24] Яструбецька Г.І. Парадигма примитива в поезії експрессионізма (по творчеству Теодосія Осьмачки) // Научно-методический і теоретический журнал «Соціосфера» 2013 / URL: http://sociosphaera.com/publication/journal/2013/3085/paradigma_primitiva_v_poetike_ekspressionizma_po_tvorchestvu_teodosiya_osmachki/

REFERENCES.

- [1] Barchan, V. Creative personality of Todos' Osmachka: aesthetic and philosophical constants. : The dissertation for getting a scientific degree of the doctor of Philology, specialty 10.01.01 – Ukrainian literature. – Lviv National Ivan Franko University, Lviv, 2009. – The manuscript.
- [2] Bilyayiv, V. Todos Osmackai / Vladimir Bilyayiv // New day. – 1989. – February. – P. 9–10.
- [3] Weber, M. Favorites. The image of the society.: TRANS. with it. – M. : Yurist. – 1994. – 704 p.
- [4] Vinogradov, I. A., Gogol – an artist and thinker: the Christian foundations of the world : the 150th anniversary since the death of N.V. Gogol / I.A. Vinogradov ; Rus. AS. Inst. of world literature A.M. Gorky. – M.: Heritage, 2000. – 445 p.
- [5] Voropaev, V. Your Monastery – Russia / Gogol N.V. Spiritual prose / Ed. and comments. V.A. Voropaev, I.A. Vinogradova. – Moscow: Russkaya kniga, 1992. – P. 5-32.
- [6] Gogol, N.V. // the Complete works [14] / ed. Meshcheryakov N.L. – Moscow; Leningrad : Publ. AS SSSR, – 1937-1952.
- [7] Gogol, N.V. Reflections on the divine Liturgy. – K.: ADEF-Ukraine, 2008. – 119 p.
- [8] Grushevsky, M.S. History of ukrainian literature. – Part IV. – B.2. – K., 1994.
- [9] Grushevsky, M. Anniversary of Mykola Gogol // Literary .- 1909. – № 3.
- [10] Keyvan, M. In a lonely trip to eternity / Maria Keyvan // Berezil. –1996. – № 3-4. – P. 58-94.
- [11] Mykhed, P. Apostl project of Mykola Gogol (attempt of reconstruction) / P. Mikhed // Word and Time. – 2004. – N. 7. – P. 12–23.
- [12] Mykhed, P. Mykola Gogol and poles (about some problems of studies) // Literatura i kultura Polissya / ed. G.V. Samoilenko. – Nizhyn: NSU n.a. M. Gogol, 2008. – № 43 – P. 28-45.
- [13] Mikhed, P. Late Gogol and Baroque: Ukrainian-Russian context : Monograph / P. Mikhed. – NIN : Aspect-Palgrave, 2002. – 208 p.
- [14] Mikhed, P. His great grandfather's soul Shalit in you...(About the literary aspect of the study of the genealogy of the genus Gogol) // this is the Genealogy of N. Gogol: Articles and materials. – М., 2009. – P. 5-18.
- [15] Mykhed, P. Methods of sacralization of narrative art in the "Chosen Parts" (notes for a new aesthetic words) // Literature and religion: VI Crimean Pushkin readings. – Simferopol, 1996. Pp. 93-94.
- [16] Mochulskiy, K.V. Spiritual path of Gogol // Mochulskiy K.V. Gogol. Solovyov. Dostoevsky / Comp. and afterword by V.M. Tolmachev; note. K.A. Alexandrova. – М. : Publishing house "Respublica", 1995. — P. 5-60.
- [17] Osmachka, Todos. Poetry. The Bestman; The rotunda of murderers. – K.: Nauk. Dumka, 2002. – 424 p.
- [18] Osmachka, T. Plan to the court / Todos Osmachka. – Toronto: Publishing house of Ukrainian-Canadian Legion, 1951. – 184 p.
- [19] Panchenko, A.A. Studies in the field of folk Orthodoxy. Rustic shrines of the North-West of Russia: scientific publication. – St. Petersburg : Aletheia, 1998. – 305 p.
- [20] Sverstyuk, Ye. Christas guest Gogol / URL: <http://svitlytsia.crimea.ua/?section=article&artID=2798>
- [21] Skvira, N. Problems of poetry of the second part of "The Dead souls" by Mykola Gogol. – K. : Publishing house of Dmytro Burago, 2010. – 367 p
- [22] Slabospitskiy, M. The poet from the hell (Todos Osmachka) / M. F. Slabospitskiy. – K. : Publishing house of M.K. Kots. "Yaroslaviv Val", 2003. – 367 p
- [23] Shalata-Barna, I. Christian mysticism in the novel of Todos Osmachka "The Bestman"// Ukraine: cultural heritage, national mentality, statehood. – № 21: Scripta manent./ [ed. by Mykola Lytvyn, sorted by Oleksandr Sedlyar, Natal Kobrin]; National Academy of Sciences of Ukraine, Institut of ukrainoznavstva of Ivan Krypiakevych. – Lviv, 2012. – P. 825 – 835.
- [24] Yastrubetska, G.I. The paradigm of the primitive in the poetics of expressionism (art of Theodosiy Osmachka) // Scientific-methodological and theoretical journal "Sociosphere" 2013 / URL: http://sociosphaera.com/publication/journal/2013/3085/paradigma_primitiva_v_poetike_ekspressionizma_po_tvorchestvu_teodosiya_osmachki/

The "Updated" Christianity of Nikolai Gogol and Folk Orthodoxy of Todos' Osmachka (to the question of religion in Ukrainian picture of the world)

I. Strebkova

Abstract. The article analyzes the influence of christianity on the writings of Nikolai Gogol and Todos' Os'machka. Manifestations of Gogol's "updated" christianity and folk Orthodoxy of Todos' Os'machka were associated. The functionality in Ukrainian picture of the world was traced.

Keywords: "updated" Christianity, baroque, folk Orthodoxy, Nikolai Gogol, Todos' Os'machka